

Научная статья
УДК 3.304
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290

ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ТРЕНДА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Людмила Львовна Штофер¹, Ольга Михайловна Шевченко²✉

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Filosofiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID РИНЦ: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID РИНЦ: 479776

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе процесса цифровизации и его влияния на культуру и образование.

Методологической основой исследования выступают положения теории информационного общества, концепции цифровой культуры и «общества риска».

Результаты исследования. Современное цифровое общество является результатом глубоких социокультурных трансформаций, затрагивающих в равной мере как материальные, так и духовные основы существования человека, его природу, структуру его идентичности, ценностно-мировоззренческие ориентации, а также наиболее фундаментальные социальные институты. Цифровизация общества связана не только с позитивными изменениями: оптимизацией различных процессов, новыми возможностями, связанными с организацией деятельности, но и с определенными рисками, релевантными уровню технологического развития общества.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования рисков цифровизации для сферы культуры и института образования.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая культура, цифровая среда, цифровые компетенции, цифровая идентичность, человек цифровой

Для цитирования: Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 281–290. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-281-290>.

Original article

PROSPECTS AND RISKS OF DIGITALIZATION AS A TREND OF SOCIAL DEVELOPMENT: CULTURE AND EDUCATION

Lyudmila L. Shtofer¹, Olga M. Shevchenko²✉

¹Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹Filosofiya327@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID RSCI: 928937

²olgashv2007@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID RSCI: 479776

Abstract. *The purpose of the study is to analyze digitalization as a trend in social development and its impact on culture and education.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of the information society, the concept of digital culture and the «risk society».

Research results. *The modern digital society is the result of deep sociocultural transformations that equally affect both the material and spiritual foundations of human existence, its nature, the structure of its identity, value and worldview orientations, as well as the most fundamental social institutions. The digitalization of society is associated not only with positive changes: the optimization of various processes, new opportunities associated with the organization of activities, but also with certain risks that are relevant to the level of technological development of society.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the risks of digitalization for the sphere of culture and the institution of education.*

Keywords: *digitalization, digital technologies, digital culture, digital environment, digital competencies, digital identity, digital person*

For citation: *Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 281–290. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-281-290>.*

Введение. Сегодня мир вступил в фазу информационного развития, связанного с тотальной цифровизацией всех сторон социальной жизни. Проявлением глобальности и необратимости данного процесса становятся качественные изменения всех видов контента (продающего, образовательного, развлекательного), которые обретают свойства мобильности, персонализации, управляемости. Закладываются основы цифровой культуры, базовыми компонентами которой выступают многообразные цифровые устройства и цифровые форматы традиционных средств вербальной и визуальной коммуникации. Уже сегодня цифровая среда задает параметры повседневных практик и профессиональной деятельности, кардинально меняя не только их формы, но и сознание людей.

Стремительное развитие цифровых технологий активизирует интерес исследователей к проблемам трансформации социальной реальности, её бытийным и нравственным основаниям, преимуществам и рискам виртуализации социальной жизни и т.п. [26]. Не меньший интерес вызывает самоопределение личности в новых условиях, её самоидентификация и ценностно-мировоззренчес-

кие ориентации. Все это формирует запрос на теоретическое осмысление происходящих изменений.

Методология и методы исследования. Начало исследований цифровой культуры связано с работами зарубежных авторов, в частности, К. Гира, П. Левинсона, Дж. Маккарти, Дж. Харриса и П. Тейлора [22; 24; 25; 23]. Оценивая степень вхождения цифровых технологий в жизнь человека, ученые связывают цифровую культуру с развитием у него новых компетенций, позволяющих эффективно выполнять свои профессиональные функции. В этом аспекте цифровая культура отождествляется исследователями с наличием у человека опыта работы с компьютерной техникой, который «включает эмоциональные, интеллектуальные и чувственные аспекты человеческого взаимодействия с технологиями» [25, р. 67].

Различные аспекты цифровой культуры исследуются российскими учеными – Д. В. Галкиным, М. Ю. Захаровым, Е. Е. Елькиной, Г. У. Солдатовой и др. [4; 7; 6; 16]. По мнению ученых, являясь частью общей культуры, цифровая культура представляет

уровень развития культуры информационного общества, который призван обеспечить «современные информационные потребности человечества, прежде всего, наличие цифровой культурной среды» [7, с. 203]. Рассматривая процесс формирования новой цифровой культуры, ученые отмечают, что развитие цифровых технологий кардинально меняет образ жизни и деятельность людей.

Методологической основой для исследования рисков цифровизации выступает концепция «общества риска» У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана [1; 5; 12]. Данный подход представляется концептуальным для исследования рисков процесса цифровизации общества.

Результаты. Цифровизация радикально меняет характер общественных отношений, образ жизни людей, их потребности и способы социальной деятельности, затрагивая человеческое сознание.

Анализируя современный этап технологического развития общества, исследователи полагают, что процесс цифровизации формирует новый тип культуры – цифровую культуру, которая определяет специфику сегодняшнего общества [21]. Данная культура рассматривается как система, включающая различные социальные практики и артефакты, связанные с использованием цифровых технологий. Последние, во-первых, создают новую среду, во-вторых, пронизывая все сферы бытия, трансформируют материальные и духовно-мировоззренческие основы существования [16]. Под влиянием цифровых технологий человек по-новому начинает взаимодействовать с миром и организовывать социальную жизнь.

Цифровая культура представляет уровень развития культуры информационного общества, который призван обеспечить современные информационные потребности человечества, прежде всего наличие цифровой культурной среды [7].

Уже сегодня можно говорить о том, что цифровая культура охватывает все сферы социальной жизни: материальную (артефакты в виде цифровых устройств), символическую (языки программирования, цифровая символика), институциональную (цифровизация деятельности социальных институтов), ментальную (культурные архетипы), духовную

(совокупность определенных норм и ценностей цифровой среды) [4]. Сегодня цифровая культура — это уже не просто часть общей культуры, а способ существования и функционирования современного мира. Не случайно родоначальник исследования цифровой культуры Ч. Гир определяет «дигитальность» как атрибут культуры постиндустриального общества с учетом появления новых способов коммуникации, а также как маркер культуры, включающий соответствующие артефакты и означивания, принципиально отличающие современный образ жизни от предшествующего ему [22].

Особой областью цифровой культуры выступает её «инструментарий» – цифровые компетенции, позволяющие полноценно интегрироваться в «цифровую» среду. Во-первых, это способность находить, анализировать, интерпретировать и критически оценивать информацию и контент в цифровой среде. Во-вторых, это умение коммуницировать и сотрудничать в новой среде посредством цифровых технологий, включая навыки адаптации коммуникационных стратегий к конкретной аудитории, дифференцированной по критерию возрастных, культурных и иных различий. В-третьих, это способность к созданию и модифицированию, включая повышение качественного уровня, информации и контента. В-четвертых, это обладание навыками защиты персональных данных, цифровых устройств и цифрового контента, а также способность решать базовые технические проблемы, возникающие при работе с цифровыми устройствами.

Таким образом, цифровая культура — это, во-первых, характерное для современного общества цифровое кодирование информации и соответствующие технические системы, обеспечивающие их создание, накопление, передачу, обмен, включая коммуникативные механизмы; во-вторых, это система практик, применяемых в цифровом обществе; в-третьих, это совокупность устойчивых личностных качеств (социальных и психологических), определяющих поведение человека в цифровой среде, привычек сетевого общения, приемов работы с информацией.

Следует признать, что современные технологии изменяют не только различные сферы общественной жизни, но и самого челове-

ка. Несмотря на то, что, разрабатывая все информационно-коммуникативные инновации, человек создает новую виртуальную среду, он становится зависимым от нее: мы создаем инструменты, которые потом начинают создавать нас. Прежде всего речь идет о знаково-символическом мире, который не только формируется нами, но который формирует нас, способствуя смешению реального и виртуального, действительного и вымышленного в нашем повседневном существовании [14]. Очевидно, что синхронное пребывание человека в двух качественно различных мирах значительно трансформирует его сознание и способы самоидентификации, заставляет говорить о генезисе человека нового вида – «Homo digitalis» [11].

Неотъемлемой частью жизни, органичным «продолжением» функционала современного человека становятся высокотехнологичные гаджеты и их «бытийная» среда — интернет-пространство. Перманентная включенность индивида в виртуальную информационную среду ведет к серьезным трансформациям в структуре идентичности человека. Формируется новый, цифровой вид идентичности, далекий от её «классических» форм (этнической, национальной, религиозной, корпоративной и др.). Цифровая идентичность, одновременно и универсальная, и подчеркнута индивидуализированная, отражает переживание человеком своего нахождения в новой информационной реальности, осознание себя частью глобального виртуального пространства [17].

Разрушение традиционной идентичности в условиях интенсификации информационных потоков, вариативности средств коммуникации, виртуализации социального взаимодействия, сопровождается поиском новых форм, в которых идентичность конструируется посредством цифровых технологий, ведет к формированию принципиально новой системы ценностей.

Несмотря на то, что радикальная мировоззренческая трансформация отмечается всеми, универсальные представления относительно ценностей нового цифрового общества пока не сложились. Чаще всего речь идет о неограниченном доступе к информационно-коммуникационным технологиям и к цифровым ресурсам, цифровом равен-

стве, способности адаптироваться к виртуальной среде, уникальной возможности быть сопричастным происходящему в режиме реального времени [18]. Последнее становится для современного человека экзистенциальной ценностью [19].

Ядро новой системы ценностей — фетишизация Интернета в качестве источника абсолютного знания. Представленные контент с разнообразным содержательным наполнением (новостные каналы, социальные сети, блоги и др.) создают открытое информационное пространство, а отсутствие внятных ценностных критериев и действенных контрольных механизмов за их функционированием способствуют формированию представлений о позитивности и ценностной равнозначности представленной информации.

Поисковые интернет-системы, позволяющие использовать множество одновременно действующих информационных источников, порождают особый тип восприятия информации, которому свойственно отсутствие единой картины исследуемого явления и её неизбежное следствие — поверхностность и фрагментарность. Вместе с тем удобство и простота использования интернет-ресурсов способствует экономии времени, до известной степени облегчает труд, прежде всего интеллектуальный, вносит разнообразие в досуговые формы времяпрепровождения.

Несмотря на то что цифровизация социальной бытия и прежде всего коммуникативная сфера затрагивает разновозрастные группы, наибольшее влияние она оказывает на молодое поколение, для которого процесс социализации неразрывно связан с цифровой средой. Коммуницирование молодежи преимущественно в социальных сетях впервые в человеческой истории начинает определяться не только характеристиками социальной группы, но и принципиально новыми, высокотехнологичными средствами общения. Данное обстоятельство позволяет прогнозировать пути дальнейшей социализации молодого поколения посредством креативных индивидуализированных видов и форм деятельности, связанных с виртуальной реальностью, и адекватных им ценностно-мировоззренческих установок, в основе которых индивидуализм, беспрепятственная сетевая коммуникация, социальная стабильность [9; 3].

Появление цифровой среды существенно изменило социокультурное пространство, в котором осуществляется социализация личности. Несмотря на то что данный процесс на протяжении последних десятилетий происходит в смешанном (оффлайн/онлайн) формате, современная молодежь (поколение Z) является «цифровыми аборигенами», для которых глобальная сеть — среда их повседневного существования. Новое поколение формируется и существует в цифровом формате, традиционная культура и её мировоззренческая основа воспринимаются им через призму цифровых форм презентации (клиповая, экранная культура, культура компьютерных игр).

Информационно-коммуникационные технологии определяют направление и характер, формы и пути развития молодого поколения, способы его поведения и виды деятельности. Готовность молодежи работать в режиме многозадачности, сетевой тип мышления способствует развитию новых видов коммуникации, личной независимости и творческого подхода.

По мнению ряда специалистов, цифровизация образования расширяет горизонты познания обучающихся, позволяет им включаться в самостоятельный поиск информации, создает условия для непрерывности образовательного процесса в течение жизни (lifelong-learning), его индивидуализации на основе технологий продвинутого обучения advanced-learning technologies [15]. Применение нового цифрового инструментария в образовании открывает широкие возможности для саморазвития личности, формирования необходимых для начала третьего тысячелетия общекультурных и профессиональных компетенций. Преимущества цифровизации образовательной сферы очевидны: движение к персонализации образовательного процесса, мобильность создания и использования онлайн-материалов, создание баз данных, аккумулирующих знания и обеспечивающих доступ к ним в том числе и для людей, проживающих в отдаленных местах, и т. д.

В связи с этим перед образовательной сферой возникают принципиально новые задачи, связанные с её системным обновлением. Более того, особая роль отводится использованию потенциала цифровых технологий для повышения эффективности образо-

вательного процесса и формирования цифровой компетенции преподавателей. Последнее сопряжено с определенными трудностями, связанными с необходимостью эффективного взаимодействия не просто разных поколений, но принципиально разных подходов к пониманию сути образовательного процесса, его целей, задач и способов реализации.

Объективно имеет место углубляющийся разрыв между поколенческой «динамичностью» студенчества и «статичностью» преподавательского корпуса (разные системы ценностей, картины мира, стили жизни, способы учения/обучения). В вузе педагоги представлены тремя поколениями: преподаватели в возрасте от 50 лет и старше (41,8%), отличающиеся высоким уровнем образования и низкой адаптивной способностью к цифровым инновациям; поколение «X» — возраст от 35 до 50 лет (50,9,6%), характерной чертой которого является высокий уровень образования и уникальная адаптивная способность к цифровым инновациям; поколение «Y» — возраст от 21 до 35 лет (7,3%), социализация которых связана с эпохой Интернета [8].

Ситуацию осложняет исторически сложившаяся «инертность» самого образовательного процесса, построенного на передаче знаний непосредственно от обучающего к обучаемому, консервативности как форм подачи учебного материала, так и контроля за его усвоением, минимальной креативности преподавателя и такой же минимальной самостоятельности учащегося.

Решение задач, связанных с цифровизацией образования, затрагивает качественно различные уровни: государственный, корпоративный, индивидуально-личностный. Государственный уровень предполагает трансформацию управления высшим образованием и формирование качественных коммуникаций и каналов обратной связи; финансовую (грантовую) поддержку вузов, внедряющих цифровые образовательные практики; программу массовой переподготовки преподавательских кадров по внедрению цифровизации в процесс обучения; систему адресного поощрения педагогов, продвигающих новые образовательные технологии. Корпоративный уровень включает обмен методико-методологическими наработками по внедрению цифрового формата в обучение, возможность

учитывать результаты прохождения онлайн-курсов других учебных заведений, реализацию практики применения единых инструментов онлайн-оценки (система прокторинга), оптимизацию расходов по созданию общей цифровой инфраструктуры путем выстраивания системы сотрудничества с другими учебными заведениями. Индивидуально-личностный уровень предполагает развитие навыков самоорганизации и самообучения, в т.ч. по совершенствованию навыков технического характера.

Цифровизация социального бытия приводит не только к позитивным изменениям (оптимизация различных процессов, новые возможности, связанные с содержанием и организацией деятельности), но и к определенным рискам, релевантным уровню технологического развития общества. Человек как субъект информационно-коммуникационных трансформаций, создатель знаково-символического мира, превращается в объект его воздействия [14]. Возникает феномен «электронного рабства», в результате которого человек утрачивает свободу, связанную в том числе с ограничением и даже управлением его духовным развитием [13].

Цифровая метаморфоза общества, о которой писал У. Бек, сопровождается социальной фрагментацией и её неизбежным следствием — атомизацией индивидов, не в последнюю очередь обусловленной все большей погруженностью человека в виртуальные миры профессиональной, досуговой, образовательной и иных сфер, поскольку реальная жизнь постепенно замещается виртуальной версией [1]. Результатом «раздвоения» реальности становится бинарная оппозиция с новыми коннотациями: реальная действительность интерпретируется не только как негативная, но и неподлинная, в то время как виртуальная, напротив, оценивается как позитивная и отвечающая потребностям современного человека [10].

Осмысливая процесс виртуализации современного общества в качестве сущностной черты происходящих изменений, Ж. Бодрийяр выделил замену реалий объективного мира их симулятивными формами и медийными мифологемами. Последние все активнее участвуют в социальном конструировании мира, что позволяет современ-

ным массмедиа создавать гиперреальность, в которой коммуникация представляет гигантский симулятивный процесс [2]. В связи с беспрецедентной ролью СМИ критерием успешности социализации индивида начинает выступать степень его восприимчивости к подобной информации.

Усиливаются позиции пассивных форм существования, не предполагающие участия в общественно значимых преобразованиях, наблюдается снижение гражданской активности. Одновременно нарастающая индивидуализация способствует росту проявлений асоциального поведения различной степени радикальности: от социофобии до социальной агрессии.

Цифровая коммуникация способствует вытеснению форм личного общения опосредованными удаленно-дистанционными, следствием которых становится увеличение объема коммуникации за счет снижения её качественного уровня, сведения на нет роли доверия и понимания её участников.

В результате цифровые технологии не способны избавить человека от серьезнейшей экзистенциальной проблемы — проблемы одиночества, лишь «завуалировав» её интенсификацией сетевого общения и имитативной задействованностью в социальных процессах.

Заключение. Вышеизложенное позволяет заключить, что цифровизация способствует радикальному изменению ценностно-мировоззренческих установок, актуализации гедонистических ориентаций, причиной которых является стремительное увеличение объемов и разнообразия информационного контента в отсутствие сформировавшегося личностного культурного ресурса. Цифровые технологии не способны выполнить гуманистические и воспитательные функции, необходимые в процессе социализации, результатом чего становится широкое распространение манипулятивных практик и их закономерное следствие — принятие объектами подобного воздействия субъективных мнений за истину, а пропагандистского медийного «продукта» — за реальный факт.

Риски, обусловленные тотальной цифровизацией системы образования, ведут к потере базовых когнитивных компетенций обучающихся, снижению общего культурно-

го уровня подготовки и утрате образованием такого значимого качества, как «фундаментальность». Картину дополняет изменение требований к квалификации специалистов, осуществляющих образовательный процесс («интеллектуальность» вытесняется технологическими компетенциями), и ориентация на образование как на услугу.

Ситуацию усугубляет возникновение нового вида неравенства, которое можно определить как неравенство цифровое, характерное и для общества внутри одной страны, и для обществ разных стран. Демаркационной линией выступает доступность передовых информационно-коммуникационных технологий, прежде всего Интернета, а также объективно существующая и усиливающаяся неравномерность технологического развития в различных регионах мира.

Таким образом, современное цифровое общество порождено глубокими социокультурными трансформациями, затрагивающими в равной мере как материальные, так и духовные основы существования человека, его ценностно-мировоззренческие ориентации, а также наиболее фундаментальные социальные институты. В связи с этим тренд современного развития — цифровая трансформация — амбивалентен, сопряжен не только с расширением возможностей, но и с серьезными рисками.

Список источников

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с франц. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
3. Гаврилова А. В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия, психология, педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 58–63.
4. Галкин Д. В. Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до технобио-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. №3(8). С. 11–16.
5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. №5. С. 107–134.
6. Елькина Е. Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. №2. С. 195–203.
7. Захаров М. Ю., Старовойтова И. Е., Шишкова А. В. Цифровая культура — исторический этап развития информационной культуры общества // Вестник университета. 2020. №5. С. 200–205.
8. Зеер Э. Ф., Ломовцева Н. В., Третьякова В. С. Готовность преподавателей вуза к онлайн-образованию: цифровая компетентность, опыт исследования // Педагогическое образование в России. 2020. №3. С. 26–32.
9. Кандыбович С. Л., Разина Т. В. Особенности социализации молодежи в условиях современной цифровой среды [Электронный ресурс] // Мировые цивилизации. 2019. №3-4. URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).
10. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. №4. С. 129–142.
11. Коломеец Т. В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. №2(33). С. 70–74.
12. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. №5. С. 135–160.
13. Молчан Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №2. С. 55–66.
14. Некрасов А. С., Некрасов С. И., Некрасова Н. А., Клепацкий В. В. От «человека информационного» к «человеку цифровому» // Вестник университета Российской академии образования. 2019. №3. С. 4–10.
15. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование. 2018. №8. С. 107–113.
16. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Цифровая культура: правила ответственность и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 374–379.

17. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. №12(56). С. 40–43.

18. Стоцкая Т.Г. Сетевое общество и виртуальная реальность // Научный взгляд в будущее. 2018. Т. 2. №11. С. 71–76.

19. Тимофеев А.В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №3. С. 73–78.

20. Труфанова О.В. Социально-философские и этические аспекты самоопределения в цифровую эпоху // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2020. Т. 10. №1(12). С. 32–37.

21. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.

22. Gere C. Digital Culture. London, Reaktion Books, 2002. 222 p.

23. Harris J. Ll., Taylor P.A. Digital Matters, Theory and culture of the matrix. London, Routledge. Xi, 2005. 210 p.

24. Levinson P. Digital McLuhan: a guide to the information society. London, Routledge. 1999. 240 p.

25. McCarthy J., ad Wright P. Technology as Experience. Cambridge, Mass. London, The MIT Press. X, 2004. 211 p.

References

1. Bek U. Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk Society: on the way to another modern]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 384 p. (In Russ.).

2. Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljacija [Simulacra and simulations] / per. s franc. A. Kachalova. Moscow: Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015. 240 p. (In Russ.).

3. Gavrilova A. V. Social'no-psihologicheskie osobennosti mental'nosti «novogo pokolenija» [Socio-psychological features of the mentality of the «new generation»]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofija, psihologija, pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Ser. Philosophy, psychology, pedagogy]. 2016; 26(2): 58–63. (In Russ.).

4. Galkin D. V. Digital Culture: metodologicheskie voprosy issledovanija kul'turnoj dinamiki ot cifrovyh avtomatov do tehnobiotvarej [Digital Culture: methodological issues of the study of cultural dynamics from digital automata to techno-bio-creatures]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Studies]. 2012; 3(8): 11–16. (In Russ.).

5. Giddens Je. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *Thesis*. 1994; (5): 107–134. (In Russ.).

6. El'kina E. E. Cifrovaja kul'tura: ponjatie, modeli i praktiki [Digital culture: concept, models and practices]. *Informacionnoe obshhestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tehnologii budushhego* [Information society: education, science, culture and technologies of the future]. 2018; (2): 195–203. (In Russ.).

7. Zaharov M. Ju., Starovojtova I. E., Shishkova A. V. Cifrovaja kul'tura — istoricheskij jetap razvitija informacionnoj kul'tury obshhestva [Digital culture — the historical stage of the development of information culture of society]. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2020; (5): 200–205. (In Russ.).

8. Zeer Je. F., Lomovceva N. V., Tret'jakova V. S. Gotovnost' prepodavatelej vuza k onlajn-obrazovaniju: cifrovaja kompetentnost', opyt issledovanija [Readiness of university teachers for online education: digital competence, research experience]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2020; (3): 26–32. (In Russ.).

9. Kandybovich S. L., Razina T. V. Osobennosti socializacii molodezhi v uslovijah sovremennoj cifrovoj sredy [Features of socialization of youth in the conditions of modern digital environment] [Jelektronnyj resurs]. *Mirovye civilizacii* [World civilizations]. 2019; (3-4). URL: <https://wcj.world/PDF/06PSMZ319.pdf> (data obrashhenija: 30.01.2022). (In Russ.).

10. Kasavina N. A. Chelovek i tehnika: ambivalentnost' jelektronnoj kul'tury [Man and technology: ambivalence of electronic culture]. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of Science]. 2018; 55(4): 129–142. (In Russ.).

11. Kolomeec T. V. Homo digitalis (chelovek cifrovoj) [Homo digitalis (digital man)]. *Nacional'nye prioritety Rossii* [National Priorities of Russia]. 2019; 2(33): 70–74. (In Russ.).

12. Luman N. Ponjatie riska [The concept of risk]. *Thesis*. 1994; (5): 135–160. (In Russ.).
13. Molchan Je. M. Vlijanie cifrovizacii na formirovanie duhovno-nravstvennyh cennostej sub'ektov vzaimodejstvija v jepohu globalizacii [The influence of digitalization on the formation of spiritual and moral values of subjects of interaction in the era of globalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]*. 2019; (2): 55–66. (In Russ.).
14. Nekrasov A. S., Nekrasov S. I., Nekrasova N. A., Klepackij V. V. Ot «cheloveka informacionnogo» k «cheloveku cifrovomu» [From «information man» to «digital man»]. *Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovanija [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]*. 2019; (3): 4–10. (In Russ.).
15. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Informatizacija i cifrovizacija obrazovanija: ponjatija, tehnologii, upravlenie [Informatization and digitalization of education: concepts, technologies, management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie [Pedagogical education]*. 2018; (8): 107–113. (In Russ.). (In Russ.).
16. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigar'kova S. V., L'vova E. N. Cifrovaja kul'tura: pravila otvetstvennost' i reguljacija [Digital culture: rules, responsibility and regulation]. *Cifrovoe obshhestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitija cheloveka: sbornik nauchnyh statej [Digital society as a cultural and historical context of human development: a collection of scientific articles]*. Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2018. P. 374–379. (In Russ.).
17. Solov'eva L. N. Cifrovaja identichnost' kak novyj vid identichnosti cheloveka informacionnoj jepohi [Digital identity as a new kind of identity of a person of the information age]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]*. 2018; 12(56): 40–43. (In Russ.).
18. Stockaja T. G. Setevoe obshhestvo i virtual'naja real'nost' [Network society and virtual reality]. *Nauchnyj vzgljad v budushhee [Scientific outlook into the future]*. 2018; 2(11): 71–76. (In Russ.).
19. Timofeev A. V. Stanovlenie cifrovoj aksiologii: ključevye ponjatija i problemy [The formation of digital axiology: key concepts and problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Filosofskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences]*. 2019; (3): 73–78. (In Russ.).
20. Trufanova O. V. Social'no-filosofskie i jeticheskie aspekty samoopredelenija v cifrovuju jepohu [Socio-philosophical and ethical aspects of self-determination in the digital age]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANHIGS [Bulletin of the Novgorod branch of RANEPa]*. 2020; 10(1(12)): 32–37. (In Russ.).
21. Shmidt Je., Kojen Dzh. Novyj cifrovij mir. Kak tehnologii menjajut zhizn' ljudej, modeli biznesa i ponjatie gosudarstva [A new digital world. How technologies change people's lives, business models and the concept of the state]. Per. s angl. S. Filina. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 368 p. (In Russ.).
22. Gere C. Digital Culture. London, Reaction Books, 2002. 222 p.
23. Harris J. Ll., Taylor P. A. Digital Matters, Theory and culture of the matrix. London, Routledge. Xi, 2005. 210 p.
24. Levinson P. Digital McLuhan: a guide to the information society. London, Routledge. 1999. 240 p.
25. McCarthy J., ad Wright P. Technology as Experience. Cambridge, Mass. London, The MIT Press. X, 2004. 211 p.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 02.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.
The article was submitted on 18.02.2022; approved after reviewing on 02.03.2022; accepted for publication on 18.03.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Lyudmila L. Shtofer — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

69 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Olga M. Shevchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Штофер Л.Л. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Шевченко О.М. — разработка методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Stofer L.L. — research concept; writing the source text; final conclusions.

Shevchenko O.M. — development of methodology; revision of the text; final conclusions.